

А. А. Сеницын

Прасловский этап в изучении палеолита Костенок

Официально функции начальника Костенковской экспедиции были переданы Н. Д. Праслову А. Н. Рогачевым в 1974 г. Неофициально вся организационная, хозяйственная и бытовая часть экспедиционной жизни проходила под его руководством начиная с 1971 г.

Возобновление раскопок верхнего слоя Костенок 1 в 1971 г. сначала предполагалось как трехлетняя программа и представляло собой новый уровень исследования палеолитических памятников. Раскопки осуществлялись под общим руководством А. Н. Рогачева силами группы профессиональных археологов-палеолитчиков с богатым полевым опытом. Первоначально это были З. А. Абрамова, уже тогда ученый с мировым именем, и Н. Д. Праслов. Каждый курировал отдельный участок раскопа и находящиеся там объекты культурного слоя. Позднее в этот состав были включены М. В. Аникович, В. И. Беляева, Т. Н. Дмитриева, М. И. Иванова, А. А. Сеницын. Практически сразу стало ясно, что за три года раскопки второго комплекса провести невозможно, как из-за постоянно повышавшихся требований к документации и детализации, так и из-за сложности и трудоемкости раскопочного процесса. В результате последний оказался 24-й сезон (1994 г.), после которого раскопки I культурного слоя памятника были приостановлены. По сложившимся представлениям, раскопано было около 3/4 жилого комплекса.

В ходе работ постоянно совершенствовалась методика раскопок и документации. Это происходило вследствие необходимости сохранения огромного объема информации и под влиянием методических разработок европейских коллег, контакты с которыми постоянно развивались. Кремневый материал, вместо привычных условных обозначений, стал фиксироваться с обозначением контуров предметов и цветовой дифференциацией. С середины 80-х годов стала применяться «журналь-

ная» съемка материала, с индивидуальной фиксацией всех находок, вплоть до мелких кремневых отщепов, с анализом контекста их залегания. Это было прямым заимствованием у исследовательской группы Пенсевана. В процессе раскопок оказалось, что такая манера не всегда соответствует потребностям исследования сложно конструированных объектов земляночного типа, потому что она была разработана для памятников с горизонтальным положением культурных слоев. Пришло понимание недостатков планиграфической фиксации находок при больших углах падения прослоек заполнения объектов с перепадом высот до 1 м, когда прослойка начиналась на уровне древней дневной поверхности и распространялась до дна землянки. Пробовались различные варианты вертикальной документации (разрезы, профили, сечения).

Особое значение придавалось фотофиксации, совершенствованию которой уделял большое внимание Н. Д. Праслов. Раскопки Костенок 1 совпали с периодом быстрого изменения технической оснащённости полевых работ и требований к фотодокументации. До середины 1980-х годов документальной считалась черно-белая фотография, а цветная использовалась в основном для диапозитивов. Позднее цветная фотография получила статус документальной, а черно-белая оказалась полностью вытесненной, вплоть до исчезновения. Начальные этапы раскопок Костенок 1 1970-х годов и вскрытые в эти годы объекты оказались документированными иначе, чем объекты, раскопанные во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. После того, как в последнее десятилетие пленочное фото было также полностью вытеснено цифровым, вопрос о совместимости документации раскопок разных лет опять стал актуальным. Фотоматериалы раскопок Костенок 1 представляют собой огромный массив информации, но практически все фотографии остаются неоцифрованными.

Рис. 1. Костенки 1, 1973. Н.Д. Праслов фотографирует раскоп сверху.

Fig. 1. Kostenki 1, 1973. N.D. Praslov shooting the top view of the excavation area.

Отношение Н. Д. Праслова к фотодокументации хорошо иллюстрирует один пример. Самые эффектные фотографии расположения конструктивных объектов I культурного слоя (Праслов, Рогачев 1982: рис. 12) были сделаны следующим образом. На дороге у раскопа был замечен автокран, водитель которого согласился помочь. Сразу была найдена металлическая бочка, которая была поднята на тресе над раскопом вместе с Н. Д. Прасловым (рис. 1), в результате чего появились снимки, значение которых трудно переоценить.

С самого начала раскопок возникло противоречие между потребностью вскрытия сложного структурированного поселения широкими площадями, что по праву считается неоспоримым достижением советской (планиграфической) школы полевых исследований 30-х годов, и необходимой детальностью документации, при том, что исследование

одной землянки требовало от 3 до 5 сезонов. Возникла необходимость разработки методов консервации объектов; наиболее интересные из них (ямы, очаги) готовились для музейной экспозиции. Одни объекты брались монолитами, другие, более объемные, разбирались с детальной документацией для их реконструкции. Реконструировать удалось только одну яму-хранилище для выставки в Японии, после которой она была утрачена.

Организация работ.

База экспедиции.

Камеральная лаборатория

Необходимо подчеркнуть, что бытовые условия и техническое оснащение экспедиции очень важны для ее успешной работы, особенно когда к раскопкам привлекается большое количество людей. Число участников Костенковской экспедиции временами превышало 50 человек. Наладить быт было совсем не просто. Можно вспомнить, например, что в иные годы на такую экспедицию выделялось два десятка банок тушенки. Были, однако, и плюсы: была машина от автобазы Академии наук, был Центр АкадемСнаб, который удовлетворял, наверное, не все заявки на оборудование, но большую их часть. Через эту организацию были получены трубы для водопровода, проложенные на базе и на Костенках 1 для промывки культурного слоя, стандартные коробки для коллекций, стройматериалы, а главное, щитовые домики и вагоны-бытовки.

До конца 70-х годов экспедиция базировалась в основном на территории музея и на территории старой школы. По меркам того времени это были неплохие условия. Но для функционирования долговременной экспедиции требовалось их улучшение, не столько для удобства размещения состава, сколько для полноценной реализации исследовательского процесса. Полевые работы, кроме собственно раскопок, включают серию камеральных процедур, важнейшей из которых является сохранение полученного материала, его консервация. Это требует определенного качества бытовых условий и лабораторного оборудования. В условиях постоянного поступления массового материала, большого количества костяных орудий, часто очень плохой сохранности, украшений и произведений искусства требовалась оперативная консервация находок как непосредственно при разборке культурного слоя, так и сразу после их снятия. Химическое оборудование и реактивы готовились в течение всего года с использова-

нием всех доступных средств, добывавшихся в основном по личным каналам. До сих пор в экспедиции используется химическая посуда с Географического факультета ЛГУ, списанная при его переезде в новое здание. С реактивами помогали реставраторы Эрмитажа, Института почвоведения в Пущино, ВСЕГЕИ. Под камеральную и химическую лабораторию был оборудован кирпичный сарай на территории базы экспедиции, построенный как гараж для школьной машины, но незавершенный, поскольку школа получила новое помещение. Силами экспедиции здание было достроено, перекрыто, были вставлены окна с решетками, подведено электричество, водопровод. Из радиоуглеродной лаборатории ЛОИА были привезены лабораторные столы, столы из Сектора палеолита, после замены мебели Новомихайловского дворца в Санкт-Петербурге столами из прессованных опилок. До сих пор кости из раскопок раскладываются, сушатся, шифруются на столах великокняжеского дворца. В.Ю. Матвеевым (ныне зам. директора Эрмитажа) были оборудованы стеллажи со стандартными коробками, изготовленными по рисунку Н.Д. Праслова.

Главным достижением было создание базы экспедиции в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Первый вагончик-бытовка и три щитовых домика были получены и установлены на выделенной сельсоветом под базу экспедиции территории старой школы в 1979 г. — году 100-летнего юбилея открытия палеолита в Костенках. Позднее был получен еще один вагончик, возведены кухня и столовая, металлическая арматура для которой тоже была получена через ЦентрАкадемСнаб, подведено электричество, проложен водопровод.

По тем временам это было настолько значимое событие, что А.Н. Рогачев свою заметку в институтскую стенгазету 1979 г. — это был год проведения юбилейной конференции в ознаменование 100-летия открытия палеолита в Костенках, — назвал «Осуществление мечты», и посвятил ее не конференции, а созданию базы. Осуществлена же эта мечта была исключительно благодаря стараниям Н.Д. Праслова. Немалое значение имели его местные, в первую очередь родственные, связи в Костенках. Сварочные работы были выполнены его племянником Сашей; все слесарные работы — двоюродными племянниками Виктором и Василием Королевыми, столярные и связанные с электричеством — соседями Я.С. Шевченко, Н. Пальчиковым и А. Титовым. Авторитет Николая Дмитриевича среди односельчан был настолько высок, что половина населения его возраста до сих

пор вспоминает, как сидели с Колей за одной партией, и все его соседи сами предлагали помощь при формировании базы и оказывали посильное содействие. По инерции это продолжается до сих пор, и можно сказать, что база сохранилась в не худшем, чем была построена, состоянии, во многом благодаря односельчанам Николаю Дмитриевичу и их отношению к тому, что было им сделано. Правда, в период с 1994 по 1998 г., когда экспедиция не работала, база постоянно взламывалась. Было вынесено все металлическое имущество, вплоть до мисок и гвоздей; сняты провода, взломан сейф, пропало практически все экспедиционное оборудование и личные вещи сотрудников. Но даже тогда, когда были сняты алюминиевые уголки-направляющие стеллажей, коробки с коллекциями были составлены в пустые проемы в том же порядке, в котором они стояли на стеллажах. Я не пытаюсь оправдать допущенные промахи: в той ситуации, которая сложилась в первой половине 90-х годов прошлого века, ничего оставлять было нельзя. Но то, что из коллекций, хранившихся на базе экспедиции, ничего не пропало — это несомненная заслуга Н.Д. Праслова, результат того авторитета, который он имел в Костенках. Особенно это видно по контрасту с археологическим музеем, находящимся на месте Костенок 11, откуда, несмотря на наличие сторожа, в это же время пропал ряд уникальных вещей из экспозиции и почти весь костный материал из раскопок Костенок 1.

В 1994 г. база была законодательно оформлена в бессрочное пользование экспедиции, что стоило Николаю Дмитриевичу немалых усилий. В начале нынешнего века без всяких оснований и с нарушением всех правил база была списана тогдашним заместителем директора ИИМК. Ни Н.Д. Праслов, материально ответственное лицо, ни я, поддерживающий базу с 1998 г. на средства раскопочных грантов, в известность поставлены не были. Понадобилось шесть лет околачивания порогов чиновников всех уровней, чтобы вернуть базе прежний статус. Очень хочется надеяться, что усилия Н.Д. Праслова по ее созданию и сохранению не пропадут даром.

Формирование костенковской модели

К несомненным заслугам Николая Дмитриевича необходимо отнести создание новой модели палеолита Костенок. Стратегия «открытости», проводившаяся А.Н. Рогачевым и Н.Д. Прасловым, привела к тому, что раскопки в Костенках посетили практически все

ведущие специалисты в области четвертичной геологии (Г.И. Лазуков, А.А. Величко, М.Н. Грищенко, И.И. Краснов, Е.П. Зарина). Участие геологов планировалось заранее; к их приезду готовились разрезы, выбранные руководством экспедиции как наиболее важные для обсуждения. В условиях бурного развития аналитических методов и методов абсолютного датирования того времени возвращение к разрезам ранее исследованных стоянок имело принципиальное значение, потому что их старое «прочтение» уже не отвечало запросам науки 1980-х годов.

Особое значение имела конференция 1979 г., посвященная 100-летию открытия палеолита в Костенках и подводившая итоги многолетних исследований, получивших отражение в издании 1982 г. (Праслов, Рогачев 1982). Образцово для того времени были обработаны разрезы Костенок 1, Костенок 8, Костенок 14, Костенок 17, Костенок 21 и «стратиграфического шурфа», для которых были получены серии радиоуглеродных датировок, пыльцевые диаграммы, диаграммы палеомагнитной изменчивости, заключения геохимического анализа. Наряду с работами И.К. Ивановой по разрезам опорных многослойных палеолитических памятников бассейна Днестра, для того времени это было первое действительно междисциплинарное комплексное исследование, по уровню не уступающее лучшим европейским аналогам.

Для развития модели 50-х годов принципиальное значение имели два момента. На подготовленном для демонстрации участникам юбилейной конференции разрезе Тельманской стоянки (Костенки 8) II культурный слой памятника был признан самым молодым внутри второй хронологической группы, связанной с отложениями верхней гумусовой толщи. Основанием для этого были явные признаки склонового смещения гумусовых прослоев, содержащих культурные остатки, на конечном этапе их отложения, непосредственно предшествующем завершению процесса. После получения даты $27\,700 \pm 750$ (GrN-10509) по древесному углю этим временем стал определяться верхний предел памятников II хронологической группы.

Вторым принципиальным моментом явилась дискуссия о характере отложений и, соответственно, соотносимых с ними памятниках времени максимума последнего оледенения. Этот вопрос обсуждался по каждому разрезу, и каждая структура, которая могла быть следствием мерзлотных процессов, обсуждалась отдельно. В результате сложилась точка зрения, согласно которой «...в Костенках нет

памятников моложе двадцатого тысячелетия, за исключением Борщево 2, очень проблематичного по условиям залегания, даже если и согласиться с полученными радиоуглеродными датами около 13 тыс. лет» (Праслов 1999: 50). Проблема существует и в настоящее время, но в 1980-е годы точка зрения об отсутствии палеолита времени ледникового максимума стала практически «общепринятой» в кругу сотрудников Костенковской экспедиции. Не умаляя роли Г.И. Лазукова и И.И. Краснова, с их огромным опытом и способностью находить неожиданные и неординарные решения, следует отметить, что первостепенная заслуга в этом принадлежит А.Н. Рогачеву и Н.Д. Праслову. Ими осуществлялись выбор и подготовка разрезов для обсуждения данной проблемы, что имело принципиальное значение в условиях высокой степени изменчивости костенковских разрезов даже в пределах одной стоянки. От выбора репрезентативных участков зависела и степень достоверности аналитических характеристик, лежащих в основе палеоклиматических реконструкций и общей корреляции. По мере увеличения числа разрезов и аналитических данных, точка зрения о отсутствии в Костенках палеолита времени ледникового максимума перешла в разряд «традиционных» и стала отправной для дальнейшего обсуждения проблемы. Расхождения были: Г.И. Лазуков считал, что культурные слои этого времени уничтожены эрозионными процессами вместе с геологическими отложениями; А.Н. Рогачев и Н.Д. Праслов склонялись к незаселенности Костенок в этот период, используя археологические доводы (в первую очередь — отсутствие продолжения археологических культур предшествующего времени). При этом Н.Д. Праслов на основании палинологических данных, полученных Е.А. Спиридоновой, признавал наличие отложений с мерзлотными нарушениями, по крайней мере, на отдельных участках разреза Костенок 21 и Костенок 8. В настоящее время, благодаря появлению новых аналитических данных и, в первую очередь, новых радиоуглеродных определений возраста, реальной становится констатация хронологического разрыва между временем стоянок верхнего гумуса с верхней границей ~27 тыс. лет и стоянок в покровных суглинках, не имеющих достоверных дат древнее 23 тыс. лет. Остается непонятным, почему в последней обобщающей работе по палеолиту Костенок (Аникович и др. 2008), претендующей на особую концепцию, эти два момента вообще не упоминаются. Дискуссии 1980-х годов в ней полностью

обойдены вниманием, хотя именно они лежат в основе формирования современной костенковской модели палеолита.

«Прасловский этап» определяется не столько административным статусом начальника экспедиции, сколько личными интересами Николая Дмитриевича, его повышенным вниманием к естественнонаучной части исследования. Это относится и к основной задаче периода 1970—1990-х годов — раскопкам Костенок 1, и к анализу геологических отложений глубоких разрезов. С изменением административного статуса Н.Д. Праслова принцип единоначалия нарушен не был: А.Н. Рогачев оставался руководителем исследования памятника и до, и после передачи официального статуса начальника экспедиции. Но изменения были, и в первую очередь они касались расширения естественнонаучной базы исследования.

Естественнонаучный аспект археологии всегда составлял отдельную и приоритетную область научной деятельности Николая Дмитриевича. Трудно назвать другого специалиста в археологии палеолита, одинаково профессионально ориентирующегося в четвертичной геологии, палинологии, палеонтологии, малакологии, методах абсолютного датирования. Уместно в этой связи напомнить, что на защите Н.Д. Прасловым кандидатской диссертации поднимался вопрос о том, степень кандидата каких именно наук автор заслуживает: исторических или геолого-минералогических.

За время его руководства экспедицией в Костенках побывали практически все ведущие отечественные геологи-четвертичники. Значительно был расширен круг иностранных специалистов, принимавших участие в полевых работах в Костенках. Кроме участников конференций, в Костенках в 1990-е годы работали К. Валох, М. Олива, Р. Мусил (Чехия), А. Листер (Великобритания), Д. де Локер (Нидерланды), Б. Бредли (США) с группой волонтеров, Х. Кимура (Япония), У. Грюн (Дания) и др. Особое значение имели периодически возобновляемые до сих пор работы П. Эзарца (Бельгия), благодаря которым Костенки (в первую очередь Костенки 14) признаны опорным разрезом для трансконтинентальных корреляций. Следствием этих контактов, регулярного участия в международных конференциях и просто личных связей Н.Д. Праслова стало увеличение числа аналитических исследований в ведущих лабораториях Европы и Америки. В первую очередь это относится к радиоуглеродному датированию, причем не только к увеличению числа радио-

углеродных определений возраста костенковских стоянок, но и к изменению отношения западных коллег к датам, полученным в российских лабораториях, которые до середины 1980-х гг. считались омоложенными по сравнению с датами ведущих зарубежных лабораторий с постоянно обновляемой технической базой. Принципиальное значение в этой связи имело участие в раскопках Костенок 1 Л.Д. Сулержицкого (ГИН РАН), благодаря которому определения радиоуглеродного возраста палеолитических стоянок были переведены на новый качественный уровень. На смену единичным датировкам пришли серийные, а необычная для 90-х годов серия из более чем 40 дат для верхнего слоя Костенок 1 долгое время оставалась уникальной не только для отечественной, но и для мировой практики радиоуглеродного датирования. Публикации серийных определений (Praslov, Soulerjytsky 1997; Праслов, Сулержицкий 1999; Синицын, Праслов 1997) получили заслуженное признание. Радиоуглеродное датирование всегда оставалось приоритетной областью интересов Николая Дмитриевича.

У Н.Д. Праслова были и другие приоритеты: он первым в отечественной археологии специально, с привлечением аналитических исследований, занимался палеолитическими красками; на обширном фактическом материале поставил проблему использования лука и стрел в палеолите; по-новому сформулировал проблему организации позднепалеолитических поселений после открытия серии вымоستков из каменных плит на Костенках 21 и «печи для обжига глины» на Костенках 1. Все это подчеркивает глубокую творческую индивидуальность Николая Дмитриевича, его способность не только видеть новое, но и ориентироваться на поиск новых источников информации.

Конференции

«Прасловский этап» изучения палеолита Костенок явился логическим продолжением этапа внедрения в археологию палеолита концепции археологических культур, сформулированной А.Н. Рогачевым на костенковских материалах в 1950-е годы.

Кроме расширения аналитической базы исследований, другой его особенностью явилось включение костенковской проблематики в общеевропейский круг проблем палеолита и привлечение к ее обсуждению иностранных исследователей. До рубежа 1970—1980-х гг. знакомство западных коллег с палеолитом Восточной Европы было ограничено еди-

Рис. 2. Денвер, Музей естественной истории, 1991. Н.Д. Праслов среди участников симпозиума «Верхнепалеолитические — палеоиндейские адаптации».

Fig. 2. Denver, Museum of Natural History, 1991. N.D. Praslov among the participants of the symposium «Upper Palaeolithic — Paleoindian adaptations».

ничными статьями советских авторов на европейских языках и обобщениями, принадлежавшими немногим коллегам, читавшим по-русски. В 1980-е годы положение начало меняться. Палеолит Восточной Европы стал включаться в международные программы, появилась возможность непосредственного контакта отечественных археологов с иностранными коллегами на конференциях и полевых семинарах. Большое значение имела юбилейная конференция 1979 г., посвященная 100-летию открытия палеолита в Костенках, хотя из иностранных ученых в ней принимала участие только О. Соффер. Прорывом явились 6-летняя (1977—1982) советско-французская программа «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами», с серией рабочих совещаний во Франции и в СССР, и советско-американская программа «Верхнепалеолитическая — палеоиндейская адаптация» с двумя семинарами: в СССР в 1989 г. и в США в 1990 г. (рис. 2). Все они осуществлялись при активном участии Н. Д. Праслова, и в их подготовке и проведении проявились его несомненные организаторские способности. Николай Дмитриевич входил в Оргкомитет всех про-

грамм, а также в редколлегии сборников тезисов, путеводителей (Величко и др. 1978; 1981; Массон, Праслов 1989) и итоговых публикаций (Soffer, Praslov 1993).

Среди отечественных конференций стоит выделить VII Всесоюзное совещание Комиссии по изучению четвертичного периода «Краевые образования материковых оледенений» 1985 г. в Воронеже, в программу которого была включена экскурсия в Костенки (Праслов 1985) с демонстрацией разрезов Костенок 1 и 14.

Благодаря этим конференциям костенковские материалы, как археологические, так и естественнонаучные, были включены в широкий научный оборот, и их обсуждение и изучение получило дальнейшее развитие.

Немалые успехи прасловского этапа изучения палеолита Костенок определяются личными качествами Николая Дмитриевича. Два из них заслуживают особого упоминания.

Во-первых, за исключением обычных для руководителя подразделения «отчетных» и юбилейных статей, у него не было «про-

№1. 2012

ходных» работ, не было тезисов, не соответствующих тематике конференций. Особенно отчетливо это видно на фоне современных одинаковых докладов под различными, а часто одними и теми же, названиями на разных конференциях. Николай Дмитриевич никогда не измерял научную деятельность килограммо-метрами печатной продукции. Наиболее длительный и трудоемкий этап у него составляла работа с написанным текстом. Во многом поэтому многие его работы не доведены до издания.

Во-вторых, он никогда не старался попасть в русло модных течений и никогда не считал необходимым высказывать свое мнение по всем возникающим вопросам. У него были неоспоримые приоритеты: естественнонаучная основа исследования, палеолитические краски, лук и стрелы, конструктивные особенности устройства пространства обитания (вымостки, конструкции очагов, пекарные ямки). Под его руководством Костенковская экспедиция стала настоящим полигоном апробирования новых аналитических методов ис-

следования. Опробывались методы поиска остатков жесткокрылых; определялась плотность утоптанного пола землянок; кости просматривались в инфракрасных лучах с целью поиска окрашенных участков, когда возникали подозрения, что таковые могут быть. С другой стороны, Н. Д. Праслов не испытывал потребности в периодически входящих в моду социологических реконструкциях, теоретических проблемах, если не видел в них смысла, этнокультурных реконструкциях. Все это во все не означало ограниченности, а лишь подчеркивало предельный рационализм и конкретность исследования.

Я ни в коей мере не хочу идеализировать прасловский этап в изучении палеолита Костенок. Наиболее правильным будет назвать его этапом «проб и ошибок». Но главное — это был период открытого поиска во всех сферах археологической практики: от выбора оптимального режима работы на раскопе и оснащения базы экспедиции до испытания всех разработок, информация о которых становилась доступной.

Литература

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. *Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Величко А. А., Праслов Н. Д., Иванова И. К., Любин В. П., Муратов В. М., Фриденберг Э. О. (ред.). 1978. *Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа*. Путеводитель совместного советско-французского рабочего полевого семинара по теме: «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества». Москва: Наука.
- Величко А. А., Любин В. П., Праслов Н. Д., Куренкова Е. И. (ред.). 1981. *Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины*. Путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме: «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». Москва: Наука.
- Масон В. М., Праслов Н. Д. (ред.). 1989. *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита (по материалам Восточной Европы и США)*. Тезисы докладов советско-американского симпозиума. Ленинград: Наука.
- Праслов Н. Д. 1985. Костенковская группа палеолитических стоянок. В: *Краевые образования материковых оледенений. Путеводитель экскурсий VII Всесоюзного совещания Комиссии по изучению четвертичного периода*. Москва, 24—28.
- Праслов Н. Д. 1999. Костенковская модель развития верхнего палеолита. В: Аникович М. В., Праслов Н. Д. (ред.). *Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы*. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках. Санкт-Петербург: Петербургкомстат, 49—51.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). 1982. *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979. Некоторые итоги полевых исследований*. Ленинград: Наука.
- Праслов Н. Д., Сулержицкий Л. Д. 1999. Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костенках на Дону. *Доклады РАН. Серия Геология* 365 (2), 236—240.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). 1997. *Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Praslov N. D., Soulerjytsky L. D. 1997. De nouvelles données chronologiques pour le paléolithique de Kostienki-sur-Don. *Préhistoire Européenne* 11, 133—143.
- Soffer O., Praslov N. D. (eds.). 1993. *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian adaptations*. New York; London: Plenum Press.

Статья поступила в номер 21 января 2012 г.

Andrei Sinitsyn (St. Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Andrei Sinitsyn (S.-Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale al Academiei de Științe a Rusiei.

Синицын Андрей Александрович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: andrei.sinitsyn@gmail.com